

16. Криминалистическое обеспечение деятельности криминальной милиции и органов предварительного расследования / под ред. Т.В. Аверьяновой, Р.С. Белкина. М., 1997.
17. Кузнецов, А.А. Методика расследования хулиганства / А.А. Кузнецов // Криминалистика : учебник / под ред. А.Г. Филиппова, А.А. Кузнецова. Омск, 1993.
18. Кузнецов, А.А. Особенности расследования группового хулиганства : учеб. пособие / А.А. Кузнецов. Омск : Юрид. ин-т МВД России, 1998.
19. Он же. Расследование группового хулиганства : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / А.А. Кузнецов ; Моск. высш. шк. милиции МВД СССР. М., 1986.
20. Кустов, А.М. Криминалистика и механизм преступления : цикл лекций / А.М. Кустов. М. : Изд-во Моск. психолого-соц. ин-та ; Воронеж : Изд-во НПО «МОДЭК», 2002.
21. Малинин, В.Б. Объективная сторона преступления / В.Б. Малинин, А.Ф. Парфенов. СПб. : Изд-во юрид. ин-та, 2004.
22. Механизм преступного поведения / Ю.М. Антонян [и др.] ; отв. ред. В.Н. Кудрявцев. М. : Наука, 1981.
23. Овчаренко, Е.И. Доказывание в досудебном производстве по уголовным делам о хулиганстве : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Е.И. Овчаренко. М., 2004.
24. О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве : постановление пленума Верхов. суда Респ. Беларусь, 24 марта 2005 г., № 1 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. 2005. № 56. 6/433.
25. Рубцов, И.И. Криминалистическая характеристика преступлений: генезис, понятие, проблемы : монография / под ред. И.А. Возгрин. СПб. : С.-Петербург. ун-т МВД России, 2002.
26. Тяжкова, И.М. Какое хулиганство должно признаваться совершенным с применением оружия? / И.М. Тяжкова // Совет. юстиция. 1967. № 18.
27. Яцеленко, Б.В. Уголовно-правовое значение способа совершения преступления : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Б.В. Яцеленко ; Моск. ВШМ МВД СССР. М., 1983.

А.Е. Гучок, заместитель директора Научно-практического центра проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ИЛИ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ПРЕСТУПЛЕНИЯ?

На основе сравнительного анализа оценивается уровень разработанности в криминалистике понятий, сущности и содержания криминалистической характеристики и криминалистической структуры преступления. Рассмотрение отдельных направлений применения названных учений в научной и практической криминалистической деятельности позволило сделать вывод о том, что каждая из концепций имеет свое назначение в криминалистике. При описании видов (групп) преступлений более эффективной представляется криминалистическая характеристика, при моделировании конкретного преступного деяния – криминалистическая структура преступления. В целом оба учения требуют дальнейшего развития и совершенствования в русле единой цели – совершенствования теории и методологии криминалистики.

В криминалистике до настоящего времени остается актуальным вопрос совершенствования методик моделирования преступных событий [2]. Сегодня наибольшее распространение получила концепция криминалистической характеристики преступления (далее – КХП). Наряду с ней часто упоминается учение о криминалистической структуре преступления (далее – КСП). Порой такие упоминания сводятся к предложению принять заключение о несостоятельности КХП и основываться в научной и практической криминалистической деятельности на какой-либо иной концепции например, КСП. При этом возникает вопрос о том, какое из учений все-таки совершеннее – КХП или КСП.

По нашему мнению, постановка данного вопроса некорректна и ненаучна. Во-первых, состоятельность КХП при ее использовании по отдельным направлениям познавательной деятельности в криминалистике сомнений не вызывает. Во-вторых, развитие учения о КСП продвигается медленнее, чем этого хотелось бы. Так, методики расследования отдельных видов преступлений, основанные на концепции КСП, предлагаются крайне редко, в связи с чем сравнивать познавательный потенциал рассматриваемых концепций просто невозможно. В-третьих, до настоящего времени не проводился сравнительный анализ недостатков и преимуществ данных учений, основанный на результатах их востребованности в научной, педагогической и практической криминалистической деятельности.

Ограничившись сравнительным анализом отдельных недостатков рассматриваемых концепций, в частности отсутствия единообразия в понимании их сущности и содержания, а также выделения основных направлений их использования в поисково-познавательной деятельности, мы предложим свои доводы о несостоятельности противопоставления учений о КХП и КСП. Это может способствовать использованию положительного опыта, характерного для каждого из названных учений в развитии криминалистической теории преступления.

КХП представляется в виде системы описания криминалистически значимых признаков вида, группы и отдельного преступления, проявляющихся в особенностях способа, механизма и обстановки его совершения, дающей представление о преступлении, личности его субъекта и иных обстоятельствах, об определенной преступной деятельности. При этом назначение КХП – обеспечение успешного решения задач раскрытия, расследования и предупреждения преступлений. К числу наиболее часто упоминаемых недостатков КХП относят отсутствие единства подходов как в понимании ее сущности, так и содержания. В.П. Бахин обращает внимание на то, что разные авторы КХП обозначают:

- 1) как информационную модель типичных признаков определенного вида (группы) преступлений;
- 2) идеальную модель типичных связей и источников доказательственной информации;
- 3) вероятную модель события;
- 4) систему данных (связей) о преступлении, способствующих раскрытию и расследованию;
- 5) систему общественных фактических данных, знание которых необходимо для организации раскрытия и расследования преступлений;
- 6) систему особенностей вида преступлений, имеющих значение для их раскрытия;
- 7) систему описания криминалистически значимых признаков преступления с целью обеспечения раскрытия, расследования и предупреждения преступлений [3, с. 16–22].

Относительно содержания КХП необходимо обратить внимание на то, что в процессе их построения в настоящее время выделяют элементный (связанный с описанием некоторых элементов) и фазовый (связанный с описанием фаз преступной деятельности) подходы. Исходя из этого В.Д. Грабовский указывает, что даже при едином понимании сущности КХП как абстрактного научного понятия, отражающего закономерности подготовки, совершения и сокрытия преступного деяния, включая закономерности слеодообразования, представление о ее структуре остается разноречивым, по мнению разных авторов, оно колеблется от трех до восьми составляющих [8, с. 48].

Давая положительную оценку КХП, необходимо отметить, что эффективность ее использования в качестве информационной категории на уровне преступлений отдельных видов и групп [14, с. 64] и описания криминалистически значимых признаков изучаемого явления [10, с. 205] очевидна. Иных подходов для решения обозначенных задач в криминалистике на сегодняшний день нет. Роль и значимость КХП как естественного и закономерного результата творческого развития криминалистики в плане совершенствования методов расследования и особенно криминалистической теории [19, с. 3] также не может подвергаться сомнению.

Указав основные критические замечания и положительные оценки, характерные для КХП, полагаем необходимым рассмотреть вопрос о том, насколько учение о КСП лишено аналогичных недостатков и насколько для него свойственны обозначенные либо иные положительные моменты.

КСП – это система материальных объектов (элементов), которые представляют собой необходимую и достаточную совокупность, в своем развитии обеспечивающую достижение преступного результата. Каждый из элементов КСП обладает определенными свойствами, обеспечивающими возможность воспринимать отражения и отражаться в виде материальных и идеальных следов. Указанные процессы слеодообразования происходят в результате взаимодействия элементов КСП в процессе ее развития и определяются механизмом и способом совершения преступления.

Однако, с момента появления понятий «структура преступления» [13, с. 45], «преступная структура», «состав события преступления» [1, с. 99], «материальная конструкция преступления» [5, с. 90] до сегодняшнего дня вопрос о едином термине касательно модели преступления, формируемой на основе выделения системы закономерно связанных между собой материальных элементов, обязательно наличествующих в ходе совершения преступления, так и не решен. Наиболее часто встречаются такие термины, как «материальная структура преступления» [9] и «криминалистическая струк-

тура преступления» [6]. Это связано с отсутствием единообразного понимания сущности и содержания КСП. В настоящее время понятие «КСП» рассматривается:

1) как объективно существующая совокупность материальных объектов (элементов), объединенных закономерно обусловленной системой связей, взаимодействующих между собой и объектами материального мира в процессе совершения конкретного преступления [10, с. 205];

2) формализованная модель системы преступления, отражающая ее внутреннее строение [4, с. 89–98];

3) совокупность следов отражений – результат совершенного преступного деяния, по которому осуществляется его познание [12];

4) совокупность материально фиксированных образований (слепообразующих объектов) и материально фиксированных следов, с одной стороны, и моделей понятий (не имеющие материально фиксированной формы обстоятельства типа цели, мотива, способа, времени совершения преступления) – с другой [16, с. 83];

5) совокупность элементов, которая позволяет отличить общественно опасное деяние (или группу деяний) от схожих с ним преступлений и административных правонарушений [7, с. 127–128];

6) научная абстракция, объединяющая совокупность знаний об определенном виде, группе преступлений [3, с. 133];

7) двухуровневая система элементов (первый уровень), взаимодействующих между собой и объектами материального мира в процессе совершения преступления (второй уровень) [6, с. 34–42].

Очевидно, что единообразного понимания сущности КСП в настоящее время нет. Мы полагаем, что КСП должна рассматриваться как объективно существующая совокупность материальных объектов, таких же реальных, как и само конкретное преступление. Познание преступления как события прошлого возможно только посредством построения его модели. Адекватность модельного аналога реальному преступлению как раз и может быть достигнута путем моделирования по оставленным следам отдельных элементов системы преступления, связей между ними, то есть моделирования КСП. Таким образом, КСП можно обоснованно рассматривать как формализованную криминалистическую модель события прошлого.

Еще менее понятная ситуация складывается в части единства мнений относительно содержания КСП. Разные авторы к элементам КСП относят: субъект, совершающий преступление; объект, на который направлены его действия (предмет, лицо); орудия, средства совершения преступления, средства воздействия на объект [6, с. 36]; связи между элементами [10, с. 205]; предмет преступного посягательства; объект хищения (хранилище); объект преступного посягательства (квартира, дом, дача); потерпевший [11, с. 43]. Встречаются попытки отнесения к элементам КСП форм общественно опасных действий (бездействия), за совершение которых законодательством предусмотрена уголовная ответственность; форм (видов) объекта и предмета преступления; места, орудия и средства совершения и сокрытия преступления; других элементов преступления [7, с. 127–128]. Применительно к отдельным видам преступлений в качестве самостоятельных элементов их криминалистической структуры выделяются: система, в которой действует должностное лицо, совокупность нарушений норм, определяющих права и обязанности должностного лица, система его действий, результат преступных действий должностного лица [6, с. 59–61], механизм совершения хищения (применительно к должностным хищениям) [18, с. 141]. Все это осложняется еще и тем, что существует некоторая несогласованность по вопросам терминологического характера, например, «субъект, совершающий преступление» [6, с. 36], и «преступник» [7, с. 127–128].

Определение путей применения знаний о КСП в поисково-познавательной деятельности диктует необходимость определиться с характером объектов, которые объективно могут являться ее элементами.

Исходя из основных аксиом, лежащих в основе формализации знаний о преступлении, криминалистических закономерностей системы преступления, а также того, что материальные объекты являются субстанциональной основой причинности и отправной точкой ее исследования [10, с. 205], именно материальный характер объектов является основным критерием отнесения их к элементам КСП. Это обусловлено и тем, что «криминалистика призвана исследовать, прежде всего, материальное содержание преступления, его отражение в окружающем мире. Именно с выявления и исследования материальных элементов, следов, оставшихся после совершения преступления, и начинается исследование, строятся предположения о сущности преступной деятельности» [20, с. 114].

Еще одним критерием выделения объектов в качестве элементов КСП является их свойство закономерно оставлять и воспринимать в ходе развития преступного события следы, которые могут быть обнаружены, зафиксированы, исследованы и изъяты и по которым может быть получена информация об объектах, их оставивших. Следует обратить внимание на невозможность отнесения к элементам КСП мотива, цели, способа, то есть нематериальных составляющих, обязательно исследуемых в ходе проведения предварительного следствия. Безусловно, мотив отражается в следах и может служить первичным источником информации на момент начала производства по уголовному делу, определяющим пути дальнейшего расследования. Но мотивационные характеристики отражаются в результате взаимодействия материальных объектов, их функционирования, поведения, совершения конкретных действий либо бездействия. Являясь понятием, мотив не способен воспринимать отражения в результате взаимодействия входящих в систему преступления элементов. Он может лишь детерминироваться совокупностью различного рода обстоятельств, которая отражается в следах. То же относится и к иным ранее упомянутым понятиям. Определяя перечень возможных элементов КСП, отметим, что внутреннее строение системы преступления не может представляться посредством перечисления составляющих, заканчивающегося словами «и т. д.» или «и др.»

Основываясь на выделенных критериях и имеющемся опыте описания КСП, считаем, что в качестве ее элементов должны рассматриваться только материальные объекты, к числу которых относятся: субъект, совершающий преступление; объект преступного посягательства; средство совершения преступления; предмет преступного посягательства; предмет преступления. Далее необходимо рассмотреть вопрос о том, насколько КСП применима для моделирования преступных событий на уровне отдельных преступлений, их видов и групп.

При этом следует обратить внимание на точку зрения В.И. Шарова о том, что почти все модели, разработанные криминалистами для исследования преступления, носят концептуальный характер. Раскрывая сущность преступления, они позволяют сформировать только наиболее общую его структуру и почти не годятся для детального исследования элементов и связей внутреннего механизма. «Попытки обобщить, структурировать преступления приводят к аморфным моделям и рекомендациям по их использованию, мало пригодным для расследования. Попытки же детализации неизбежно приводят к описанию конкретного преступления, что также малоэффективно, так как мала вероятность повторения именно отраженных признаков и элементов» [17, с. 17]. Во всех случаях обобщенные и структурированные, а также детализированные модели преступления должны служить единственной целью – получению знаний о неизвестных элементах на основе информации об их отражениях и связях, а также об известных элементах системы преступления. Представляется, что это одна из важнейших проблем конкретных работ по формализации криминалистического знания. Формализация преступного события должна носить социально-формальный характер, так как ее важнейшим элементом является учет реалий конкретного преступления, его особенностей и индивидуальности. Указанные обстоятельства порождают необходимость уйти от формальных приемов в сторону широкого использования «полустрогих» методов описания. Их применение позволяет «...в определенной степени формализовать области, которые ранее задавались лишь описательно» [15, с. 470].

В этой части безусловные перспективы при моделировании конкретных преступлений в процессе их расследования остаются за подходами, основанными на применении семантических сетей. Семантическая сеть – ориентированный график, вершины которого соответствуют понятиям, а дуги – отношениям между ними. Понятиями являются основные объекты формализуемой области, реально существующие, порой включающие в себя целые структуры. Понятия характеризуются своими признаками (атрибутами). Отношения представляют связи между основными понятиями.

Построение модели конкретного преступления должно осуществляться с учетом ряда аксиом: «если существует система, то между ее элементами существуют связи»; «если существуют связи, то существуют и отражения»; «если существуют отражения, то могут существовать следы, пригодные для идентификации»; «если выявлены следы, пригодные для идентификации, то могут быть установлены объекты, оставившие эти следы» и т. д. Мы считаем, что рассматриваемый подход моделирования преступления альтернатив не имеет. Относительно моделирования отдельных видов и групп преступлений на основе КСП необходимо отметить, что высокая степень абстрагирования приводит к

неизбежности использования описательного подхода в представлении модельного аналога преступления. Результатом этого становится КХП.

Однако моделирование преступления посредством изложения его криминалистической характеристики может осуществляться путем детального, в необходимых случаях многовариантного описания основных параметров и свойств элементов КСП.

Такой подход был предложен В.Ф. Ермоловичем. Он рассматривает КСП в качестве одного из элементов, описываемых в криминалистической характеристике [7, с. 4]. «Разработка криминалистических структур отдельных видов (групп) преступлений обусловлена в первую очередь потребностью четкой и строгой систематизации (как по вертикали, так и по горизонтали) информации криминалистической характеристики и установления тесной взаимосвязи между ней и предметом доказывания по уголовному делу, задачами, решаемыми в процессе раскрытия и расследования преступлений, следственными ситуациями, версиями» [7, с. 126].

Подводя итог, необходимо отметить, что противопоставление учений о КХП и КСП как альтернативных и взаимоисключающих не вносит ничего созидательного в развитие криминалистической теории и методологии. В настоящее время можно утверждать, что каждая из концепций имеет свое назначение и требует развития и совершенствования.

Библиографические ссылки

1. Басалаев, А.Н. Криминалистическая характеристика преступления / А.Н. Басалаев, В.А. Гуняев // Методика расследования преступлений: Общие положения. М., 1976.
2. Басецкий, И.И. Преступления в банковской системе: теория и практика расследования : монография / И.И. Басецкий, Ю.А. Егоров, В.П. Шиенок ; под ред. И.И. Басецкого. Минск : Акад. МВД Респ. Беларусь, 2000.
3. Бахин В.П. Криминалистическая характеристика преступлений как элемент расследования / В.П. Бахин // Вестн. криминалистики. 2000. Вып. 1.
4. Глотов, О.М. Следы преступления как система (Некоторый опыт системного исследования в криминалистике) / О.М. Глотов // Вопросы совершенствования предварительного следствия. Л., 1976. Вып. 4.
5. Густов, Г.А. К разработке криминалистической теории преступления / Г.А. Густов // Изв. вузов. Правоведение. 1983. № 3.
6. Дулов, А.В. Основы расследования преступлений, совершенных должностными лицами / А.В. Дулов. Минск : Унив., 1985.
7. Ермолович, В.Ф. Криминалистическая характеристика преступлений / В.Ф. Ермолович. Минск : Амалфея, 2001.
8. Криминалистика: Расследование преступлений в сфере экономики : учебник / под ред. В.Д. Грабовского, А.Ф. Лубина. Н/Новгород : Нижегород. ВШ МВД России, 1995.
9. Криминалистика : учеб. пособие / под ред. А.В. Дулова. Минск : Экоперспектива, 1996.
10. Лапин, А.В. Криминалистическое познание механизма преступления / А.В. Лапин // Выбранные научные работы Белорусского государственного университета : у 7 т. / адк. рэд. В. М. Гадуноў. Минск, 2001. Т. 3. Юрыспрудэнцыя. Эканоміка. Міжнародныя адносіны.
11. Он же. Учебно-методическое пособие по курсу «Криминалистика» / А.В. Лапин. Минск : Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь, 1998.
12. Лепехин, А.Н. Расследование преступлений против информационной безопасности: теоретико-правовые и прикладные аспекты : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / А.Н. Лепехин. Минск, 2007.
13. Лузгин, И.М. Методологические проблемы расследования / И.М. Лузгин. М., 1973.
14. Мухин, Г. Н. Оперативно-розыскные и криминалистические категории в структуре информационных основ раскрытия преступлений / Г.Н. Мухин // Тр. Ин-та нац. безопасности Респ. Беларусь. 2000. № 10.
15. Новик, И.Б. Модели в науке: Исторические и социокультурные аспекты / И.Б. Новик, В.Н. Садовский // Моделирование. Репрезентация и научное понимание. М. : Наука, 1988.
16. Образцов, В.А. Выявление и избличение преступника / В.А. Образцов. М. : Юристь, 1997.
17. Шаров, В.И. Формализация информационной структуры расследования преступлений / В.И. Шаров // Рос. следователь. 2003. № 7.
18. Шумак, Г.А. Криминалистический анализ должностных хищений / Г.А. Шумак // Право и демократия : межвуз. сб. науч. тр. Минск, 1990. Вып. 3.
19. Яблоков, Н.П. Криминалистическая характеристика преступления как составляющая часть общей криминалистической теории / Н.П. Яблоков // Вестн. Моск. гос. ун-та. Сер. 11, Право. 2000. № 2.
20. Яскевич, А.В. Дискуссионные моменты криминалистической теории преступления / А.В. Яскевич, И.Н. Лазуко // Вестн. Акад. МВД Респ. Беларусь. 2005. № 2 (10).